

Тамара АСТАПЕНКОВА
Фото: Геннадий АВРАМЕНКО,
Татьяна КУЗЬМИНА

О Николаеве слухи ходили всегда. И сыном Валентины Леонтьевой он был, и родным братом Игоря Николаева. Подпольным Рокфеллером, потому что еще в середине 80-х купил себе белый «Мерседес». И даже диссидентом: первым появился на экране в джинсах и поздравил с Рождеством Христовым. А уж о том, как он пил, такие байки травили...

Юрий Николаев:
У меня в жизни было всего две женщины: моя жена Лена, и ... все остальные.

ПОЧТАЛЬОН ИЗ КИШИНЕВА

— Юрий Александрович, многие до сих пор помнят ваше «веселое» появление на экране, когда вы не смогли с первого захода прочитать программу передач...

— Этот скандал с бородой, ему скоро двадцать лет. А пил я по-черному. Начал в студенчестве, в компаниях. В театре поводов появилось больше. И премьеры, и спектакли, и просто удачная репетиция. Когда перешел на телевидение, началась просто беда... Со мной хотел выпить каждый. Стоило мне зайти в какой-нибудь ресторан или прийти в компанию... Доходило до того, что в каком-нибудь баре, увидев меня, кричали посетителям: «Бар закрывается!» И все — меня одного поили по полной программе.

— В общем, пропивали все, что зарабатывали...

— Практически. Мы с женой никогда не делили деньги на «твои» и «мои», но заначку я обязательно оставлял. Из расчета 3 рубля на гулянку. Этого хватало или на бутылку вина, или на 150

граммов водки в ресторане. Она тогда была по рубль восемьдесят. Для затравочки. А дальше все происходило спонтанно. Курсировал от столика к столику.

— Вы бросили пить 12 лет назад. И, наверное, смогли залатать дыры в семейном бюджете. Сегодня вы живете на широкую ногу?

— Живу на уровне. На уровне своего социального положения. Могу позволить все, что захочу, в разумных пределах, конечно. Квартира и машина есть, собственная телепрограмма. Так сложилось, что у нас, к сожалению, нет детей. Поэтому чего-то особенного мне не нужно. До кризиса мог наведаться в казино. Проигрывал. Иногда до двух тысяч долларов там оставлял... Сейчас все сложнее.

— Конечно. Хотя, я думаю, ваша квартира для многих простых смертных окажется музеем. У вас дома вещи дешевле ста долларов есть?

— У меня дома вещей даже дешевле десяти рублей огромное число. Вот, например, зажигалки. Знаете, сколько

у меня их по дому разбросано?... Мысорное ведро тоже недорогое.

— А бывали времена, когда, можно сказать, только одно оно и было...

— И не так уж и давно. В театре когда работал и потом на телевидении. Кроме кровати в комнате и чего-то на кухне, больше ничего и не было. Мы с Леной хранили на черный день подарочные 500 рублей в облигациях. Они остались еще со свадьбы. Так мы не знали, куда их спрятать. Леночка завернула их хорошенько и сунула под газету, которая лежала на дне картонного ящика. Он у нас в шкафчике под раковиной на кухне стоял (раньше такой почти у всех был). Однажды к нам в гости приехал мой папа. Мы с женой были на работе. Возвращаемся... А ящика и нет. Спрашиваем: «Где?» Выкинул — картошки там уже не было. Мы тогда жили на первом этаже, а перед подъездом огромная гора старых ящиков лежала. Мы выбежали, и в той куче свой ящик с деньгами и нашли.

— Деньги постарались потратить сразу, чтобы еще раз не выкинули?

— Мы их внесли за кооперативную квартиру. Взнос был в 1500 рублей — бешеные деньги по тем временам. Но наскребли. Большую часть, конечно, добавили родители. Чего-то заняли, но это были уже копейки. Выкрутились.

— С квартирой помогла Валентина Михайловна Леонтьева?

— Да. Она высказала свое мнение, и к нему прислушались. Вначале мы с Леной хотели с квартирой не связываться: мы планировали однокомнатную, а она оказалась двухкомнатной. Думали — по деньгам не вытянем. А потом решили, что такого случая больше не будет. Квартира была на первом этаже, в Бибиреве, и владелец от нее отказался.

— Родители вам часто помогали?

— Да. Когда я только приехал в Москву, мое официальное месячное жалованье составляло 30 рублей. Первый год учебы я не получал стипендию, потому что считался из

обеспеченной семьи. И, естественно, мне помогали родители. Высылали каждый месяц деньги и покупали все необходимое из одежды.

— И что, этих денег хватало?

— Нет, конечно. Мы подрабатывали дворниками, участвовали в массовках. Причем это не считалось зазорным. Я не хочу сказать, что мы голодали или как-то недоедали. Бывали периоды, когда было туго. Но взять взаимный пакет картошки или 30 копеек — проблем не возникало.

— И сами готовили?

— Редко. Наше общежитие находилось рядом с консерваторией. И в ее столовой были дешевые комплексные обеды, чем мы, естественно, и пользовались. Вообще, студенческие годы у меня не ассоциируются с голодным временем. Я получал столько ярких впечатлений, ощущений от жизни, что когда нам предстояло распределение, то с ужасом думал о работе в каком-нибудь другом городе.

— И не скучали по родному Кишиневу?

— Долго не мог привыкнуть к Москве. Ужасно скучал по родительской ласке и по городу, особенно на первом курсе. На старших по привычке, и стало легче.

— **Впервые приехали в Москву и с первого захода поступили в ГИТИС. Своего рода абитуриентский подвиг.**

— Я думаю, что был не единственным, кто приехал поступать из провинции. За год начал готовиться. По справочнику узнал все что нужно. Я просто мечтал поступить в театральный. Сдавал экзамены буквально во все институты одновременно. Все абитуриенты знали, когда проходят творческие туры. Но получилось так, что в ГИТИС поступил совершенно случайно. Шел третий тур. И к тому времени я совершенно запутался, где идут «смотрины». Случайно зашел в институт — идет экзамен. Практически через час меня вызвали.

— Старались как-то выделиться?

— На экзаменах нужно было обязательно читать прозу, стихи, басни. Я решил продемонстрировать свою эрудированность и начал читать отрывок из «Моби Дика». Но комиссия посоветовала взять что-нибудь попроще. Я

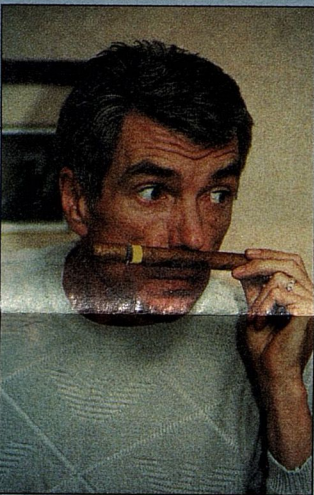
стал читать из «Войны и мира».

— Среди абитуриентов ходили слухи о больших взятках для поступления в институт?

— По поводу взятки разговоров не было. А вот о том, что все места распределены между детьми артистов, слухи ходили.

— В первый раз вы женились еще в институте?

— Да, на третьем курсе. Она была из Москвы и была моей сокурсницей. Вместе мы прожили около года. А потом расстались. Без грязи и скандала. Просто поняли, что все это — не то. У нас у обоих было внешнее очарование друг другом. А когда стали вместе жить, то быстро от него избавились. После учебы она уехала куда-то в Сибирь, и я больше о ней не слышал.

Николаев курит «как паровоз» и разбирается в табаке.

— Ваша холостяцкая жизнь длилась недолго?

— Шесть лет. Потом меня отвезли на цементовозе в загс. (Смеется.) Но не на саму роспись, а на подачу заявления. Просто мы с Леной ловили машину, и у нас это никак не получалось. Лил дождь, и выбирать не приходилось. А расписались мы чуть позже и поехали уже на троллейбусе. Кстати, только в нем я стал задумываться: что же я делаю? Вообще, об этом лучше рассказывает жена. Она все помнит до мелочей.

— Елену вы разглядели не сразу?

— Мы с ней познакомились, когда она была пионеркой. Ее старший брат (у них разница в 9 лет) учился в нашем институте. Когда родителей дома не было, у него собиралась компания. На один из таких вечеров пришел и я. Конечно, тогда я не обратил внимание на Лену. А потом увидел ее в троллейбусе. К тому времени она поступала в институт и была девушкой серьезной. Мы договорились встретиться. Как жена рассказывала, она никогда не собиралась замуж за актера — несерьезные люди. Но я ей понравился сразу, еще в 12 лет.

— На что содержали молодую семью?

— Я работал в театре, получал 85 рублей. У Лены была повышенная стипендия — 55. Было тяжело. И

весь этот груз лег на плечи жены. Я ничего не имел. Только одну комнату в трехкомнатной квартире. Приходилось постоянно занимать и переставлять. А к тому же у меня остались все холостяцкие привычки, я привык к свободе. Поздно приходил домой, «обмывал» каждую премьеру, спектакль. Женщины... У меня в жизни было всего две женщины: моя жена Лена, и ... все остальные.

— Лена как-то боролась с вашим пьянством?

— Находила и отбирала заначку. Гоняла моих друзей-субультников. Старалась чаще приглашать людей, которые не пьют. Она мне многое прощала, как, впрочем, и на работе. Я сам удивлялся.

— Помогла?

— Без нее я бы не справился. Хотя серьезно стал задумываться после аварии. Когда пьяным врезался в бордюр, перевернулся и 30 метров пролетел на крыше. Машина после этого пошла под пресс. А я просто успокоился. Понял: зачем мне доказывать всему свету, что я умею пить и испытывать судьбу? Тем более что я это делал не раз.

— Как «пьяный» эфир...

— Зато после этого случая я сразу узнал, кто мои истинные друзья. После моей выходки стало ясно, что пахнет жареным. И многие просто перестали со мной здороваться. А некоторые стали усердно «поливать» на собраниях, которых было ой как

Теперь из горячительных напитков только чай или кофе.

много. Меня тогда поддержали Кириллов, Леонтьева и председатель Гостелерадио Лапин.

— Собрания проходили по любому поводу?

— Очень часто заседала комиссия. Например, решали, с какой длиной волос мне выходить в эфир. Тогда в моде были длинные волосы, и я, естественно, их отстриг. Мне разрешили делать хвостик, но чтобы обязательно были открыты уши.

— Как раньше платили на ЦТ?

— Я работал в дикторском отделе. Оклады — от 150 рублей до трехсот. Все зависело от того, сколько в день ты читаешь информации, партийность... Мне в этом смысле не повезло: я к тому времени был уже беспартийным (меня выгнали из партии за пьянство, не успев туда принять) и не читал новости. Последнее я делал сознательно, чтобы не портить, как сейчас говорят, имидж. Правда, пару раз пришлось выйти с информацией в эфир, потому что кто-то из дикторов заболел. Снимаясь в «Утренней почте», я работал за гонорары. За каждую передачу получал порядка 35—40 рублей.

— А сейчас?

— Я сам зарабатываю. И еще могу добавить, что в своей жизни я не потратил ни одного бюджетного рубля.

